Ю.И. БЫКОВА
Кандидат искусствоведения, научный сотрудник Музеев Московского Кремля
e-mail: jib78@mail.ru

Y.I. BYKOVA
Candidate of Art History, Research Fellow at the Moscow Kremlin Museums
e-mail: jib78@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_4_2_79_99

СЕРЕБРЯНЫЙ НАДГРОБНЫЙ КОМПЛЕКС СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО 1758 ГОДА. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗДАНИЯ, МАСТЕРА, СТИЛИСТИКА

SILVER TOMBSTONE COMPLEX OF ST. DEMETRIUS OF ROSTOV IN 1758. CIRCUMSTANCES OF CREATION, MASTERS, STYLE

Статья посвящена созданию серебряного надгробного комплекса святителя Димитрия Ростовского в 1758 г. по императорскому заказу. На основе архивных документов автору удалось определить имена мастеров и обстоятельства его изготовления. В статье впервые описываются сохранившиеся фрагменты киота, который являлся частью этого комплекса, а также анализируется стилистика памятника и его художественные особенности в контексте подобных же произведений 1730–1750 гг.

The article is devoted to the creation of a silver tombstone complex of St. Demetrius of Rostov in 1758 by imperial order. On the basis of archival documents, the author managed to determine the names of the masters and the circumstances of its manufacture. The article describes for the first time the preserved parts of the iconostasis, which was part of this complex. The author analyzes the stylistics of the monument and its artistic features in the context of similar works of 1730–1750.

Ключевые слова: святитель Димитрий Ростовский, надгробный комплекс, саркофаг, ювелирное искусство, серебряники, Иван Андреевич Шлаттер, рака, киот, императрица Елизавета Петровна, рококо, барокко.

Keywords: St. Demetrius of Rostov, tomb complex, sarcophagus, jewelry art, silversmiths, Iohann Wilhelm Schlatter, shrine, iconostasis, Empress Elizabeth Petrovna, rococo, baroque.

В научной литературе существует ряд работ, в которых так или иначе затрагивается история надгробного комплекса святителя Димитрия Ростовского. Зачастую это публикации об иконографии святого, об эпитафиях на его жизнь и кончину, а также об истории и архитектуре Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове, где располагался надгробный комплекс XVIII столетия. Возможно, в связи с тем, что саркофаг, в котором находились мощи святителя, не дошел до наших дней, на данный момент нет ни одного исследования, посвященного этому памятнику декоративно-прикладного искусства напрямую. Однако именно обращение к архивным документам позволяет пролить свет на историю его создания.

Целью данной статьи является рассмотрение обстоятельств изготовления надгробного комплекса св. Димитрия, выявление авторства и осмысление художественных особенностей в контексте подобных памятников 1730–1750 гг.

Митрополит Димитрий Ростовский скончался 28 октября 1709 г. и был, согласно завещанию, похоронен в Троицком соборе (в 1754 г. переименован в Зачатьевский) Спасо-Яковлевского монастыря. 21 сентября 1752 г. во время ремонта пола в соборе были обнаружены нетленные мощи Димитрия, и в том же месяце комиссия священнослужителей освидетельствовала мощи и составила акт с подтверждением их нетленности. Донесение об этом 9 октября было отправлено в Святейший Правительствующий Синод [1]. С этого момента началась длительная переписка между Синодом и митрополитом Ростовским и Ярославским Арсением Мацевичем по поводу обретения мощей Димитрия. Одновременно с этим стали фиксироваться чудеса от мощей святителя, молва о которых дошла и до государыни. 14 декабря 1756 г. Арсений получил «устное приказание» от императрицы «чрез княгиню Наталью Григорьевну Белосельскую, дабы… верно и совестно донесть… императорскому величеству о обретенных мощах преосвященнаго Димитрия ростовскаго…» [2], что он тут

же и исполнил, написав письмо на высочайшее имя. 19 марта 1757 г. Синод представил Елизавете Петровне доклад о нетленных мощах, и уже в следующем месяце, в апреле 1757 г., Синод с повеления императрицы издал указ за № 788, согласно которому мощи Димитрия Ростовского были признаны нетленными, и он стал первым святым синодального периода русской православной церкви [3].

Рис. 1. Саркофаг с мощами св. Димитрия Ростовского Зачатьевского собора Спасо-Яковлевского монастыря. Фотография конца XIX в. Гос. музее-заповеднике «Ростовский кремль».

Осенью 1757 г. императрица поручила надсмотр за изготовлением серебряной раки над мощами святого графу Петру Ивановичу Шувалову. 17 декабря он направил «архитектуры гезеля» А.Ф. Кокоринова в Ростов для того, чтобы снять обмеры с гроба — «меру длине, ширине и вышине, а притом, план и профиль» [4]. Стоит заметить, что в это время Кокоринов был причислен к Кабинету Ее Императорского Величества [5].

Общее руководство над созданием серебряной раки было поручено главному судье Монетной канцелярии и директору Санкт-Петербургского монетного двора Ивану Андреевичу Шлаттеру. Подобное решение было вполне логичным, поскольку именно под его наблюдением в 1748–1752 гг. была сделана серебряная рака св. Александра Невского. При выполнении этого царского заказа Шлаттер показал себя талантливым организатором, высоким специалистом в металлургическом деле [6]. Судя по архивным документам [7], он решал все организационные вопросы по изготовлению раки св. Александра Невского: контракты с мастерами, покупка инструментов, отливка серебряных пластин на Сестрорецком заводе, подготовка помещений для работы с серебром в Петропавловской крепости, переписка с архитекторами и художниками, установка готовой раки сначала в Зимнем дворце, а затем в Александро-Невском монастыре, постоянные отчеты о выполнении работ непосредственному начальству, отвечавшему за ее изготовление перед императрицей, секретарю Кабинета Ивану Антоновичу Черкасову.

Таким образом, вполне понятно, что Шлаттер был привлечен и к новому проекту, связанному с серебряной ракой св. Димитрия Ростов-

ского. Почти в то же время как в Ростов был направлен Кокоринов, 20 декабря 1757 г. Шлаттер составил донесение И.П. Шувалову [8]. В нем он выражал надежду, что по возвращении Кокоринова из Ростова удастся сразу начать работы по созданию раки. Однако для этого, как он считал, необходимо уже сейчас предпринять ряд действий. Во-первых, вызвать из отпуска капитана Лукошкова и поручить ему вместе с поручиком Рогозиным «смотрение над работою и мастеровыми людьми… понеже он к оным делам уже обыкновенен» [9]. Во-вторых, для контроля денежных средств, материалов и серебра во время работы над изготовлением раки нужно выделить опытного человека, который вместе с офицером будет следить за работой, отдавать, принимать и взвешивать серебро. Он же может находиться при процессе разделения золота и серебра. В помощь ему предлагалось определить одного подьячего и двух отставных солдат лейб-гвардии полка. Таким человеком, по мнению Шлаттера, мог быть комиссар Демлер, однако выбор, конечно, за Шуваловым — «на ваше розсуждение оставляю» [10]. В-третьих, с «фарфоровых заводов надлежит взять для пюсирования украшениев и к делу деревянной модели скульптора Вестерина» [11], а также других мастеров оттуда же — резчиков Якова Ильина и Василия Верещагина, столяров Петра Сахарова и Гаврилу Сурикова, «да из бывшей кистеневой фабрики такарного дела ученика Ивана Белкина» [12]. Также необходимо, чтобы «Вестерини» использовал для работы имеющиеся у него «на руках» инструменты. В-четвертых, освободить покои в Петропавловской крепости, в которых сейчас живет и работает живописец, финифтевый мастер фарфорового завода Андрей Черный со своими учениками, для работ над ракой «под серебреное дело» [13].

Рис. 2. Рака с мощами св. Димитрия Ростовского в Дмитровском соборе Спасо-Яковлевского монастыря. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1911 г.

В предыдущем проекте — создании серебряного надгробного комплекса св. Александра Невского — участвовало большое количество специалистов. Автором проекта саркофага и большой пирамиды был

придворный живописец Х. Гроот, рисунков рельефов — Я. Штелин, рисунков статуй — Л. Каравак, гравировку надписей выполнил М.И. Махаев, кроме того, были задействованы скульпторы и резчики — И. Шталмеер, К. Фалькенклау, И.Ф. Дункер, А. Джани, Ж.Б. Джани, А. Мартелли и около тридцати серебряных дел мастеров и чеканщиков под руководством Э. Апельрота [14]. Однако к исполнению нового императорского заказа Шлаттер привлек других людей.

Рис. 3. Киот с образом св. Димитрия Ростовского из Зачатьевского собора Спасо-Яковлевского монастыря. Фотография 1920-х гг. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль».

Обращение к мастерам с фарфорового завода кажется необычным только поначалу. Первая отечественная фарфоровая фабрика находилась в подчинении секретаря Кабинета А.И. Черкасова. Практически с начала ее основания к ее делам привлекался И.А. Шлаттер. С 1751 г., как пишет барон фон Вульф, сношения Черкасова с Шлаттером по делам «порцелиновой фабрики» сделались постоянными, так как Шлаттер принял непосредственное участие в ее делах, особенно в художественной части производства. «Надписи на табакерках, оправа их в золото, отделка золотом фарфоровых кукол, даже моделирование кукол, равно как и живопись на табакерках и др. предметах, — все эти работы исполнялись под его наблюдением и в значительной части на Монетном дворе» [15].

Сведений о скульпторе Жан-Батисте Вистарини [16] (подписывался — Jeanbatis de Vistariny [17]) в научной литературе крайне мало. Лишь в книге «Императорский фарфоровый завод» 1906 г. приводится небольшая часть контракта, который с ним заключил Кабинет в 1755 г. [18]. В Государственном Эрмитаже также хранятся две фарфоровые статуэтки из серии «Негры», созданные, как считается, на Невской порцелиновой мануфактуре в середине XVIII в. по эскизам Вистарини.

Имя Вистарини как мастера резного дела впервые встречается в Санкт-Петербургских ведомостях от 16 января 1747 г. [19]. В архивных материалах упоминания о нем начинаются с 1753 г. Среди документации по работе первого фарфорового завода в России сохранились письма И.А. Шлаттера к А.И. Черкасову, из которых видно, что в этом году Вистарини выполнял несколько поручений Шлаттера, связанных с художественными заказами.

Так, летом 1753 г. Шлаттер участвовал в руководстве по созданию «золотых сосудов» [20]. Первоначально их выполнение предполагалось поручить золотых дел мастеру итальянцу Марциони. Однако Шлаттер решил прежде всего посоветоваться с Вистарини, и тот ответил, что «оные сосуды российскими чеканчиками точно так исправно зделает как итальянец» [21]. Его поддержал Шлаттер — «мне тоже кажется что российскими чеканчиками исправно зделаны быть могут, ибо когда оные хорошою модель перед себя имеют, да сверх того искустной человек им наставления даст, то оные конечно нехудо чеканят» [22]. Таким образом, можно предположить, что Вистарини имел «смотрение» над русскими мастерами, выполнявшими императорский заказ.

Рис. 4. Киот надгробного комплекса св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1758 г. Мастера Ж.-Б. Вистарини, П. Захаров, Г. Суриков, Я. Ильин, В. Верещагин, Н.Т. Беспалов, И. Ильин, Д. Ваксмут, С. Яковлев, Э. Гагстат. Серебро; чеканка, гравировка. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Фрагмент

Рис. 5. Киот надгробного комплекса св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1758 г. Мастера Ж.-Б. Вистарини, П. Захаров, Г. Суриков, Я. Ильин, В. Верещагин, Н.Т. Беспалов, И. Ильин, Д. Ваксмут, С. Яковлев, Э. Гагстат. Серебро; чеканка, гравировка. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Фрагмент

В ноябре 1753 г. Вистарини делал чертежи для украшения двух больших ваз из поделочных камней для дома самого А.И. Черкасова (по-видимому, расположенного по адресу ул. Мойка, д. 12). Эскиз для большой яшмовой чаши, декорированной серебром, которая должна была находиться в «палатах что возле большой залы», 9 ноября был уже сделан, причем «рисован двумя манирами, как ваше высокопревосходительство из рисунка усмотреть соизволите…» [23]. А вот эскизы чаши из лазурита для «другой большой палаты, где картины убрать», мастер обещал сделать в течение недели.

В следующем году он был привлечен к новой работе. В 1751 г. было принято решение снести деревянные триумфальные ворота у Зеленого моста на Мойке и ворота у Аничкова моста через Фонтанку в Петербурге и вместо них построить каменные. В связи с этим многим архитекторам предложили сделать рисунки и модели новой арки [24]. Среди

участников конкурса был и архитектор Александр Францевич Вист. В 1754 г. он заключил контракт (на немецком языке [25]) с Вистарини о том, что тот по предоставленным Вистом чертежам сделает модели триумфальных ворот «со всеми украшениями из его материала и работными людьми» за 750 руб. [26]. При этом, не имея своего жилья, скульптор мог жить в доме Виста. Однако за весь год Вистарини сделал только часть работы и 1 января 1755 г. заключил новый контракт с Кабинетом. (В дальнейшем это привело к разбирательству, последовавшему после жалобы Виста на скульптора.)

Рис. 6. Киот надгробного комплекса св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1758 г. Мастера Ж.-Б. Вистарини, П. Захаров, Г. Суриков, Я. Ильин, В. Верещагин, Н.Т. Беспалов, И. Ильин, Д. Ваксмут, С. Яковлев, Э. Гагстат. Серебро; чеканка, гравировка. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Фрагмент

В контракте с Кабинетом значилось, что «обязуется он, Иоганн Вистариний, считая от нижеписанного числа три года все к порцелинной мануфактуре, к Петергофской шлифовальной мельнице, к произведению золотых и серебряных вещей всем тем вещам, которыя во оных местах делать случатся, надлежащие рисунки или потребные модели, как деревянные, так и вощаныя, делать исправною работаю и хорошею инвенциею по оным моделям, ежели потребуется, надлежащим образом алебастром сфурмовать» [27]. Ему полагалось жалование в 500 руб. на год, материалы для работы и два «покоя», отапливаемые казенными дровами. Также за обучение в течение трех лет учеников, «которые уже несколько рисовать обучились» делу «моделей как деревянных, так и на воску и формованию оных алебастром», Вистарини мог получить дополнительное вознаграждение [28].

Таким образом, Вистарини был, по-видимому, опытным скульптором и модельером, готовым выполнить царский заказ по созданию деревянной модели надгробного комплекса.

Об остальных мастерах с фарфоровой фабрики, запрошенных для работ над ракой, известно следующее. В 1753–1755 гг. столяр Петр Захаров (в другом написании Сахаров) имел годовое жалование в 24 руб., муки по 3 четверти, круп по 1 четверти ½ [29]. О нем в документе значится — «исправляет столярную и токарную работу, також и к порцелину

разныя деревяныя модели и с них формирует на алебастр формы, також вновь и починку машин исправлять может» [30]. Другой столяр Гаврила Суриков получал по 36 руб., муки по 5 четвертей круп по 3 четверти (и также умел чинить машину). Резчики Яков Ильин и Василий Верещагин имели годовое жалование в 48 руб. каждый и «на те модели накладывают разные восковые орнаменты» [31]. Такой же оклад мастера получали и от Кабинета во время работ над ракой.

Рис. 7. Киот надгробного комплекса св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1758 г. Мастера Ж.-Б. Вистарини, П. Захаров, Г. Суриков, Я. Ильин, В. Верещагин, Н.Т. Беспалов, И. Ильин, Д. Ваксмут, С. Яковлев, Э. Гагстат. Серебро; чеканка, гравировка. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Фрагмент

Предложения Шлаттера были учтены, и уже в январе 1758 г. подготовлен императорский указ. Примечательно, что в черновике указа сначала было написано, что серебряная рака будет делаться из колывановского серебра 82-й пробы, а затем слова про пробу были зачеркнуты и внесено уточнение — из того серебра, из какого сделана была рака св. Александра Невского [32]. Было принято решение, что расходы на оплату мастеров, материалов и т. д. будут идти из «капитала» Монетного двора, которые позже будут двору компенсированы серебром с Колывано-Вознесенских заводов [33]. Уже 9 января Шлаттер получил «чертежи о деле оной раке», утвержденные Елизаветой Петровной, и просит Шувалова «Вестерина и при нем вещи ко мне определить и отпустить…» [34]. Замечания Шлаттера о месте изготовления гробницы также приняли во внимание. Поручику Тархову в записке из Кабинета от 10 января 1758 г. написано: «…находящегося в крепости у письма на порцелине живописного мастера Андрея Черного с братом и с учениками ис тех покоев в которых он ныне работает вывесть для того что во оных покоях делатся будет объявленная рака, а вместо того отвесть ему покой или два на порцелинной мануфактуре, где Вестеринии жил, где и для себя вы одну камору занять можете и по исполнении всего оного в Кабинет репортовать» [35].

Рис. 8. Киот надгробного комплекса св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1758 г. Мастера Ж.-Б. Вистарини, П. Захаров, Г. Суриков, Я. Ильин, В. Верещагин, Н.Т. Беспалов, И. Ильин, Д. Ваксмут, С. Яковлев, Э. Гагстат. Серебро; чеканка, гравировка. Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Фрагмент

В марте 1758 г. для изготовления раки понадобились уже серебряных дел мастера. Так, 11 марта Шлаттер писал, что срочно необходимо подключить к работам чеканщика Беспалова, который в данный момент числился на Петергофской шлифовальной мельнице [36]. Речь идет о Никифоре Тимофеевиче Беспалове. Благодаря архивным документам, удалось узнать некоторые сведения об этом мастере [37]. Он являлся сыном санкт-петербургского гончарного цеха мастера Тимофея Беспалова. Имея достаточно серьезные навыки в чеканном деле, в 1744 г. в Москве он был записан в ювелирный цех и «причислен к московскому купечеству». В ноябре 1751 г. в старую столицу был послан кабинет-курьер Петр Левшин для привоза в Петербург чеканщиков для работ над ракой св. Александра Невского. Над ее созданием Беспалов трудился с 18 ноября 1751 г. по 1 июня 1752 г. Продолжая числиться в «команде» Шлаттера, в январе 1756 г. Беспалов был переведен на Петергофскую шлифовальную мельницу, где работала группа ювелиров под руководством Якоба Мартино (Jacob Martino) [38]. Среди работ, выполненных этой группой за 1756 г., значится: «Под номером № 115. Сделан орден Святого Александра Невского золотой. Делали: подмастерья Григорий Подусцов, чеканщик Никифор Беспалов, ученик Михаил Кривоногов» [39]. В марте 1758 г. он был переведен на работы по изготовлению раки св. Димитрия Ростовского, «а после того к деланию для комнаты Ея величества золотых и серебряных вещей, состоящих в ведомстве статского советника Шлаттера» [40]. В связи с тем, что казенных работ было немного, в декабре 1759 г. он был уволен со службы. Несмотря на то, что мастер получил паспорт за подписью самого Шлаттера и позволение «работать где он пожелает», все же выдвигалось непреложное условие трудиться «токмо здесь в Санкт-Петербурге, а из Петербурга никуда не съезжать и в работу его не принимать, есть ли же он когда потребуется к тем золотым и серебряным вещам, то явится немедленно в чем и подпискою обязан» [41].

Среди расходов изготовления раки также значилась выплата месячного жалования за апрель 1758 г. в размере 12 руб. 50 коп. серебряных дел мастеру Даниле Ваксмуту [42].

Благодаря барону Е.А. Фелькерзаму становится известно, что над ракой трудился еще один мастер — Семен Яковлев. Из документа, приведенного бароном, видно, что 21 августа 1758 г. серебряных и золотых дел мастер Г.Ф. Экарт, которому поручили сделать для императрицы серебряный позолоченный сервиз, запрашивает себе в помощь трех чеканщиков — Никиту Тимофеевича Беспалова, Ивана Ильина и «московскаго» Семена Яковлева. Однако в ответ на это 31 августа Шлаттер сообщает, «что требуемые чеканщики… здесь при строении Раки Святителя Димитрия и находились, но оные по окончании дела отпущены…» [43].

Итак, в августе 1758 г. серебряная рака была готова, и мастера снова вернулись на фарфоровую фабрику [44]. Из письма Шлаттера ясно, что Вистарини «находился при раке» с 1 января по 1 сентября и получал «по силе заключенного с ним контракта с квартирою и с дровами по 50 рублев на месяц» [45]. По окончании работ он «обратно для посылки на те заводы в кабинет и посылается, а какие при нем Вистеринии присланы были взятые с парцелинной мануфактуры материалы, инструменты, тако ж и модели для снятия рисунка {которые и сняты}, те все материалы и инструменты и модели за издержанием некоторых материалов в росход достальные с ним Вистериньем по приложенному при сем письме реестру посылаются обратно…» [46]. В списке материалов и инструментов, использовавшихся в изготовлении раки, значатся также «фирмованная на алебастре баранья голова да две ноги, итого три штуки», рисунки малые и большие «на александриской бумаги разнаго изображения касающихся до порцелинной посуды 56 штук», «моделей на воске 4 штуки» [47].

Всего надгробный комплекс весил 19 пуд. 3 фунт. 39 зол. и был стоимостью 12 877 руб. 57 коп. [48]. На остальные издержки (оплата мастеров, инструменты, прогонные и т.д.) было потрачено еще 4841 руб. [49].

В январе 1759 г. Шлаттер пишет письмо в Кабинет, тревожась о судьбе раки, которая «поставлена в мастерских палатах, в которых ныне работа производитца; и от великой сырости, серы и пыли в тех палатах чрез такое долгое время может оная рака весь свой хорошей новой вид потерять» [50]. Он просит найти для ее хранения более подходящее место. В связи с этим принимается решение перевести раку в ящиках в Александро-Невский монастырь и поставить их в «означенный покой» [51].

В октябре 1762 г. уже от новой императрицы Екатерины II, находящейся в Москве, поступает приказ Шлаттеру перевести хранящуюся в монастыре раку санным зимнем путем в старую столицу [52]. В Петербурге принимают решение, что гробницу будут сопровождать майор Василий Шадеев с конвоем, а также серебряных дел мастер Эрик Гагстат (Гакштет, Гакстет), столяр Ганеман и чеканщик Иван Ильин, который участвовал в ее создании. 26 февраля 1763 г. рака прибыла в Ростов и была оставлена на хранение в ящиках в монастырской церкви Архангела Михаила для дальнейшего распоряжения [53]. По-видимому, в начале мая ее начали собирать. Своеобразный акт приема-сдачи раки между майором Шадеевым и иеромонахом Спасо-Яковлевского монастыря Лукой с подробным описанием датируется 15 мая 1763 г. По монастырским записям Екатерина II прибыла в Ростов 23 мая. На следующий день гроб с мощами св. Димитрия был вынут из прежней раки и поставлен посреди церкви. В это время на месте прежней раки была поставлена новая [54]. В воскресенье 25 мая в присутствии императрицы состоялась торжественная церемония перенесения мощей в новую серебряную раку [55]. В середине июня мастера были отправлены обратно в Санкт-Петербург. За свою работу сверх жалования они получили и премию: серебряных дел мастер Гагстат — 100 руб., столяр Ганеман и чеканщик Иван Ильин — по 50 руб. каждый [56]. Стоит заметить, что серебряники «Кирик Гакстет» [57] и Иван Ильин числились «при делание для комнаты Ея Императорскаго величества золотых и серебреных вещей» в ведомстве Шлаттер вплоть до его смерти в 1768 г., после чего эта служба была ликвидирована [58].

Под именем «Кирик Гакстет» [59], по-видимому, скрывается швед Эрик Гагстат (Erich Hagstadt / Hackstädt), который, по сведениям барона А.Е. Фелькерзама, был мастером иностранного цеха с 6 сентября 1734 г. Барон упоминает, что в 1777 г. Придворная контора поручила ему сделать большую серебряную «передачу» [60]. Кроме того, известно, что с 21 мая по 1 сентября 1751 г. он находился при работах над ракой св. Александра Невского, в частности делал подсвечники, входящие в этот комплекс [61].

Как же выглядел надгробный комплекс св. Димитрия Ростовского?

До наших дней сохранились как его описания XVIII–XIX вв., так и фотографии конца XIX — начала XX в. Следует сказать, что комплекс состоял из двух частей: саркофага с крышкой, в который помещался деревянный гроб с мощами, и массивного киота с написанным на холсте образом святого. В документах XVIII в. отмечалось: «…в раке имеется

весу с крышкою со всеми уборами 10 пуд. 24 фунт. 31 зол., в иконостасе с крашениями круг образа 8 пуд. 19 фунт. 8 зол.» [62].

Саркофаг имел характерную для эпохи барокко волнистую форму со скошенными углами. Определенное изящество ему придавало сочетание большого пространства гладко отполированного серебра и рокайльного чеканного орнамента, украшавшего скошенные углы саркофага и картуш с надписью на торцовой стороне.

Венчали раку символы архиерейской власти. При передаче раки в 1763 г. в документе значилось, что «рака серебреная на ней архиерейская чеканная подушка, на оной посох и факел серебряныя по местам чеканные сверху сего… серебряная архиерейская шапка с крестом разчеканена и с прибором на подобие жемчугу» [63], а в перечне деталей раки при взвешивании в 1758 г. имелись «подушка с бахрамами и с четярмя кистьми — 25 фунт. 24 зол., две облоки под подушку — 6 фунт. 18 зол., посох — 5 фунт. 12 зол., факал — 4 фунт. 15 зол., шапка с прибором — 12 фунт. 6 зол., четыре облака на подушки круг шапки — 6 фунт. 17 зол.» [64]. В описании же XIX в. — «серебряная крыша снаружи украшена кафедрою, митрою, посохом, дикириями, трикириями также из серебра» [65]. Подобное художественное решение крышки саркофага роднит раку св. Димитрия с ракой св. Александра Невского, на которой располагались также на подушке символы княжеской власти — княжеская шапка, жезл и меч.

О создании этих серебряных регалий в документах сохранились записи в расходах июня 1758 г. Одна из них — за покупку гвоздей для ящиков «для отвозу серебряной подушки и шапки в Петергоф» [66], другая — «за выточку серебряной палки принадлежащей к посоху, которая прикреплена к деланной серебреной раке 50 коп.» [67]. Таким образом, можно предположить, что детали, украшавшие крышку раки, изготавливались отдельно, например, на Петергофской шлифовальной мельнице (возможно, только их отделка чеканкой).

До наших дней дошли три фотографии этого саркофага с мощами святого. На одной, сделанной С.М. Прокудиным-Горским в 1911 г., рака представлена с открытой крышкой под мраморной сенью в Дмитровском соборе, куда, начиная с 1909 г., дважды в год переносилась рака с мощами св. Димитрия из церкви Зачатия Св. Анны. На двух других фотографиях из собрания музея-заповедника «Ростовский кремль» рака находится в Зачатьевском храме, с опущенной крышкой, что позволяет разглядеть регалии на подушке, причем одна фотография датируется концом XIX в., а другая — 1920-ми гг. [68].

В 1920-х гг. саркофаг был передан в ПОМГОЛ (Комитет помощи голодающим) и, по-видимому, переплавлен.

Серебряный киот с образом св. Димитрия составлял отдельную значительную часть надгробного комплекса. В документах XVIII в. его часто называли иконостасом. В середины XIX в. киот описывали так: «Пред ракою, у подножия Святителя, поставлен в серебряной раме образ его Итальянской работы, на холсте. На верху рамы воздвигнут гладкий серебряный крест, подножие коего сделано в виде облаков, также из серебра; на серебряной тумбе, служащей основанием рамы, изображена надпись, сочиненная Ломоносовым» [69]. В списке деталей, из которых состоял киот, в 1758 г. были «две конзолы (консоли. — Ю.Б.) — 18 фунт. 83 зол., две нижние чеканные штуки от рамы — 16 фунт. 52 зол., две верхние чеканные штуки от рамы — 19 фунт. 24 зол., три облака — 12 фунт. 17 зол., две пальмовые ветви — 31 фунт. 35 зол., платье с бахромою, состоящее в пяти штуках — 1 пуд. 26 фунт. 62 зол., раковина — 4 фунт., крест — 5 фунт. 14 зол., нижняя гладкая доска — 5 фунт. 70 зол.» [70].

Долгое время специалистам не было известно изображение киота. И лишь в 2008 г. исследователь А.Г. Мельник опубликовал его фотографию 1925 г., обнаруженную им в собрании музея-заповедника «Ростовский кремль». На ней киот с образом св. Димитрия стоит в церкви Спаса на Сенях в Ростовском архиерейском доме.

Передача в 1922 г. киота из монастыря в уже существующий с 1883 г. музей (с 1918 по 1934 г. он назывался Государственный музей древностей) спасло памятник. Сейчас он в разобранном виде хранится в музее-заповеднике «Ростовский кремль» [71].

Киот можно зрительно разделить на две части — верхнюю и нижнюю. Верхняя часть — это рама, обрамляющая образ св. Димитрия, который был написан на холсте. Под влиянием стиля барокко рама приобрела много разнообразных элементов. В основе ее силуэта лежит картуш в обрамлении орнамента с мотивом пальметты. Венчает картуш крест на облаках, из-под которых видны крылья ангелов. По бокам раму украшают две пальмовые ветви, лежащие на струящихся вниз занавесках с бахромой. Мастерам виртуозно удалось передать в металле материал ткани — ее складки, фактуру, орнамент в виде цветов роз и тюльпанов, характерный для рокайльных шелковых тканей середины XVIII в. Нижняя часть киота — трехчастный постамент, в центре которого находится эпитафия, сочиненная, как считается, М.В. Ломоносовым [72]. Четкие пря-

мые линии постамента уравновешивают динамику и пышность барочной рамы. Из украшения на нем присутствует лишь еле заметная гравировка с ангелочками в облаках, вокруг надписи.

На данный момент существует ряд исследований, посвященных иконографии св. Димитрия и, в частности, портрету, находившемуся в серебряном киоте [73]. В описании Спасо-Яковлевского монастыря 1849 г. упоминается, что образ святителя был «Итальянской работы» [74]. Известна также гравюра с портрета св. Димитрия Ростовского, созданная в 1759 г. Я.В. Васильевым с живописного оригинала П. Ротари [75]. Местонахождение живописного портрета из серебряного киота 1758 г. на данный момент неизвестно.

Можно предположить, что оригиналом для образа, создававшегося для раки, мог послужить прижизненный портрет митрополита Димитрия из Новгород-Северского. Так, 5 августа 1757 г. Елизавета Петровна написала письмо архиепископу Арсению Могилянскому, находящемуся в то время в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре, чтобы он прислал к ней «изображение персоны святого Димитрия митрополита, новоявленного ростовского чудотворца, списанное, когда оный святой Димитрий в том монастыре еще архимандритом находился» [76]. Известно, что Димитрий был его настоятелем с 1699 по 1701 г.

Архивные документы по созданию раки, пожалуй, могут дать небольшое уточнение датировки написания портрета. Возможно, он был создан между сентябрем и ноябрем 1758 г. Так, среди расходов на изготовление надгробного комплекса значится запись о выплате 3 сентября 34 коп. «за 2 аршина и ¾ ткацкого полотна для обивки рамы, на которой писатца будет образ святителя Димитрия, митрополита Ростовского» [77], а 19 ноября уже было заплачено за «девять аршин тонкой холстины» и «два аршина ваты» для «покрытия написанного образа святителя…» [78].

Традиция создания по царскому заказу серебряных рак для мощей святых, почитаемых в России, стала укореняться в XVI–XVII вв. В первой половине XVIII в. изготовление драгоценных надгробных комплексов к мощам православных святых связано с именами императриц Анны Иоанновны (гробница св. Сергия Радонежского, 1731–1737 гг.) и Елизаветы Петровны (гробницы св. Александра Невского, 1748–1752 гг. и св. Димитрия Ростовского, 1758 г.). Если в допетровской России к подобным заказам относились, в первую очередь, серебряные ковчеги с крышками, на которых изображались святые, то в XVIII в. — это надгробные комплексы.

Причем со временем изменяется и принцип расположения надгробий в пространстве храма. Так, согласно древнерусской традиции, сень над ракой св. Сергия Радонежского находится у южной стены собора рядом с алтарем. Десятью годами позже при создании надгробного комплекса св. Димитрия предполагается уже иная схема организации храмового пространства. Например, в 1763 г. в Зачатьевском соборе рака с мощами св. Димитрия была поставлена на ступенчатый пьедестал, покрытый красным сукном, а киот установлен к востоку от раки. «Киот, — пишет А.Г. Мельник, — почти занял большую часть промежутка между юго-западным столпом и южной стеной храма. Тем самым пространство вокруг раки оказалось зрительно обособлено наподобие церковного придела» [79].

Если обратиться к стилистическим особенностям упомянутых выше трех надгробных комплексов, то можно увидеть, насколько они индивидуальны — как по общему рисунку, так и по декору. Несомненно, в оформлении раки св. Сергия Радонежского преобладает так называемый стиль регентства, с обилием изящных цветочных гирлянд, рокайльных завитков, тонких стеблей аканта и разнообразной трельяжной сетки. Рака св. Александра Невского ближе к пышному елизаветинскому барокко, использующему крупные формы с элементами скульптуры (как круглой, так и барельефами). На ее фоне рака св. Димитрия привлекает внимание зрителя своим изяществом и изысканностью, возникающими благодаря умелому сочетанию большого пространства гладкого полированного серебра с тонким рокайльным орнаментом.

Таким образом, рака святителя Димитрия Ростовского, созданная в 1758 г. группой русских мастеров по модели итальянского скульптора Ж.-Б. Висторини, является выдающимся памятником отечественного ювелирного искусства XVIII в. и занимает особое место среди надгробных комплексов из драгоценных металлов Нового времени. Благодаря наличию архивных документов, удалось установить имена мастеров и обстоятельства изготовления ими раки св. Димитрия Ростовского.

Примечания:

1. Подробнее см.: *Федотова М.А.* Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — 2009. — Том 60. — С. 150–182.

2. Переписка по поводу открытия мощей св. Димитрия, митрополита Ростовского // Странник. — 1872. — № 9. — С. 190–191.

3. *Федотова М.А.* Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — 2009. — Том 60. — С. 153.

4. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 248; Переписка по поводу открытия мощей св. Димитрия, митрополита Ростовского // Странник. — 1872. — № 9. — С. 190–203.

5. *Крашенинников А.Ф.* Архитектор Александр Кокоринов. — М., 2008. — С. 31.

6. Именно ему принадлежит разработка нового метода разделения золота и серебра в золотистом серебре (аффинажа) Нерчинских и Алтайских месторождений («шлаттеровский метод»). Он также усовершенствовал как выплавку больших объемов серебра, так и создание тонких пластин для чеканки монет.

7. См. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135.

8. Там же. Д. 175. Л. 51–51 об.

9. Там же. Л. 51.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же. Л. 51 об.

14. См. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135; *Гусева Н.Ю.* Ансамбль гробницы Александра Невского — памятник святому воину, Ништадтскому миру и Елизавете I. — СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2021, *Зашляпин Б.Д.* Мемориальный комплекс гробницы князя Александра Невского. История создания // Гробница Святого Благоверного Князя Александра Невского. История и реставрация / Гос. Эрмитаж. — СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2021.

15. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. — СПб., 1906. — С. 29.

16. В русских документах XVIII в. его часто называли Иоганном — «Яган», а фамилию писали и как «Вистарини», и как «Вестерини».

17. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 264 об.

18. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. — СПб., 1906. — С. 384.

19. Санкт-Петербургские ведомости. — 16 января 1747 г. — С. 8.

20. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 264 об.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. *Михайлов А.И.* Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. — М., 1954. — С. 125.

25. В своем донесении в Кабинет Вистарини жаловался, что контракт был на немецком языке, и он не понимал, что подписывал, так как не знает немецкого языка.

26. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 529.

27. Там же. Л. 432; Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. — СПб., 1906. — С. 384.

28. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 432 об.

29. Там же. Л. 342, 390–390 об., 439–440; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 62–63; Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. Приложения. — СПб., 1906. — С. 6–7.

30. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 342, 390–390 об., 439–440; Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисл. бар. Н.Б. фон Вольф. Приложения. — СПб., 1906. — С. 6–7.

31. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л. 342, 390–390 об., 439–440; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 62–63; Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. Приложения. — СПб., 1906. — С. 6–7.

32. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 50, 54–54 об.

33. Там же. Л. 50, 53–54 об.

34. Там же. Л. 53.

35. Там же. Л. 56 об. — 57.

36. Там же. Л. 60.

37. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135. Л. 424, 476, 525, 542–543 об.

38. Подробнее см.: *Быкова Ю.И.* Ювелирная мастерская при русском императорском дворе в XVIII веке // Материалы и исследования / ФГБУК «Государственный историко-культурный музей “Московский Кремль”». Выпуск 29. — М., 2019. — С. 244–267.

39. РГИА. 468. Оп. 36. Д. 221. Л. 21 об.

40. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135. Л. 543 об.

41. Там же.

42. Там же. Д. 175. Л. 83.

43. *Фелькерзам А.Е.* Описи серебра Двора Его Императорскаго величества. Издание Гофмаршальской Части Императорскаго Двора. Том 2. — СПб., 1907. — С. 31.

44. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 63.

45. Там же. Л. 64.

46. Там же.

47. Там же. Л. 65–66, 69 об.

48. Там же. Л. 75.

49. Там же. Л. 74–74 об. Эту сумму из Кабинета вернули на Монетный двор колывановским серебром.

50. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 71.

51. Там же. Л. 97.

52. Там же. Л. 97.

53. Там же. Л. 106; *Титов А.А.* Святый Димитрий, митрополит Ростовский // Русский архив. Выпуск 5. — М., 1895. — С. 9.

54. *Титов А.А.* Указ. соч. — С. 10.

55. Там же; Камер-фурьерские журналы 1763 года / под редакцией А.Ф. Бычкова. — СПб., 1853–1857. — С. 93–94.

56. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 112 об.

57. РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Ч. 1 а. Л. 52.

58. 14 мая 1768 г. они были уволены «за тем, что в них более надобности нет, ибо ныне всякие случающиеся для двора Ее императорского величества серебряные работы исправляются вольными мастеровыми людьми» (РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135. Л. 539–540). Замечания о нерентабельности их содержать возникали и раньше, например в 1763 г. (РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Ч. 1 а. Л. 52).

59. РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Ч. 1 а. Л. 52.

60. *Фелькерзам А.Е.* Алфавитный указатель Санкт-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и пр. 1714–1814 г. // Приложение к журналу «Старые годы». — СПб., 1907. — С. 14.

61. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 135. Л. 337 об., 393.

62. Там же. Д. 175. Л. 75.

63. Там же. Л. 76 об.

64. Там же.

65. Описание Ростовского Ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. — СПб., 1849. — С. 24.

66. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 83 об.

67. Там же. Л. 83.

68. *Мельник А.Г.* Надгробные комплексы ростовских святых в XVII — начале XX веков: основные тенденции формирования // История и культура Ростовской земли. 2005. — Ростов, 2006. — С. 465, 474.

69. Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. — СПб., 1849. — С. 24.

70. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 78.

71. Автор выражает сердечную благодарность А.Г. Мельнику за предоставление этой информации и сотрудникам музея «Ростовский кремль» за возможность познакомиться с памятником.

72. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Том 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. — М.-Л., 1959. — С. 646, 1088–1090.

73. Например, *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886–1889. Том 1, 4; *Малков Ю. Г.* Портрет Димитрия, митр. Ростовского, из собрания Государственной Третьяковской галереи // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования / под редакцией Т.В. Алексеевой. М., 1973. С. 136–140; *Белецкий П.А.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII веков. М., 1981. С. 120–124; *Зеленина Я.Э.* Житие и чудеса свт. Димитрия Ростовского в иконописи и печатной графике // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII в.: (Материалы конференции 21–23 сентября 2005 г.) / ГМЗРК, НИИ РАХ. Ростов, 2006. С. 318–337; *Зеленина Я.Э.* Иконография святителя Димитрия Ростовского: взаимовлияние живописи, иконописи и графики // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 399–418 и др.

74. Описание Ростовского Ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. — СПб., 1849. — С. 24.

75. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Том 4. — СПб., 1886–1889. Стб. 384, 503. Сейчас известен лист, хранящийся в Историческом музее (Инв. И III 19985, ГИМ 48234/475).

76. Переписка по поводу открытия мощей св. Димитрия, митрополита Ростовского // Странник. — 1872. — № 9. — С. 197.

77. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 175. Л. 85.

78. Там же. Л. 85 об.

79. *Мельник А.Г.* История интерьера Троицкого (Зачатьевского) собора Ростовского Яковлевского монастыря в XVIII — начале XIX веков // Сообщения Ростовского музея. Выпуск 17. — Ростов, 2008. — С. 63.

Список литературы:

1. *Белецкий П.А.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII веков. — Ленинград: Искусство: Ленингр. отделение, 1981. — С. 120–124.

2. *Бернякович З.А.* Русское художественное серебро XVII — начала XX века в собрании Государственного Эрмитажа. — Ленинград: Художник РСФСР, 1977. — 287 с.

3. *Быкова Ю.И.* Ювелирная мастерская при русском императорском дворе в XVIII веке // Материалы и исследования / ФГБУК «Государственный историко-культурный музей “Московский Кремль”» / ответственный редактор А.Л. Баталов. Выпуск 29. — Москва, 2019. — С. 244–267.

4. *Быкова Ю.И.* Ювелиры, работавшие по царскому заказу в России в конце XVII — первой половины XVIII века // *Быкова Ю.И., Тюхменева Е.А.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. — Москва: БуксМАрт, 2022. — С. 294–347.

5. *Гусева Н.Ю.* Ансамбль гробницы Александра Невского — памятник святому воину, Ништадтскому миру и Елизавете I. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2021. — 98 с.

6. Журналы камер-фурьерские 1763 года: Церемониальный, банкетный и походный журнал 1763 года. — [Б. м., 1850-е]. — 265 с.

7. *Завадская Л.А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа // Александр Невский и история России: Материалы научно-практической конференции, 26–28 сентября 1995 / Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. — Новгород Великий, 1996. — С. 84–93.

8. *Зашляпин Б.Д.* Мемориальный комплекс гробницы князя Александра Невского. История создания // Гробница Святого Благоверного Князя Александра Невского. История и реставрация / Государственный Эрмитаж. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2021. — С. 8–85.

9. *Зеленина Я.Э.* Житие и чудеса свт. Димитрия Ростовского в иконописи и печатной графике // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII в.: Материалы конференции 21–23 сентября 2005 г. [сборник статей] / Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительного искусства РАХ. — Ростов, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2006. — С. 318–337.

10. *Зеленина Я.Э.* Иконография святителя Димитрия Ростовского: взаимовлияние живописи, иконописи и графики // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / [под общей редакцией игумена Серафима (Симонова)]. – Ростов Великий: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. — Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2008. — С. 399–418.

11. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904: Ист. очерк / предисловие бар. Н.Б. фон Вольф. — Санкт-Петербург: Упр. имп. заводами, 1906. — VIII, 422, 64 с.

12. *Крашенинников А.Ф.* Архитектор Александр Кокоринов. — Москва: Прогресс-Традиция, 2008. — 190 с.

13. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Том 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. — Москва, Ленинград: Издательство Академии наук, 1959. — 1279 с.

14. *Малков Ю.Г.* Портрет Димитрия, митр. Ростовского, из собрания Государственной Третьяковской галереи // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования / под редакцией Т.В. Алексеевой. — Москва, 1973. — С 136–140.

15. *Мельник А.Г.* История интерьера Троицкого (Зачатьевского) собора Ростовского Яковлевского монастыря в XVIII — начале XIX веков // Сообщения Ростовского музея. Выпуск 17. — Ростов, 2008. — С. 57–98.

16. *Мельник А.Г.* Надгробные комплексы ростовских святых в XVII — начале XX веков: основные тенденции формирования // История и культура Ростовской земли. 2005: Материалы научной конференции, 9–11 ноября 2005 г. — Ростов, 2006. — С. 443–475.

17. *Михайлов А.И.* Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. — Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1954. — 372 с.

18. Описание Ростовского Ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках. — Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1849. — 96 с.

19. Переписка по поводу открытия мощей св. Димитрия, митрополита Ростовского // Странник. — 1872. — № 9. — С. 190–203.

20. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: [т. 1–4]. — Санкт-Петербург: типография Академии наук, 1886–1889.

21. *Титов А.А.* Святый Димитрий, митрополит Ростовский // Русский архив. Выпуск 5. — Москва, 1895. — С. 5–16.

22. *Федотова М.А.* Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // Труды отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Том 60. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 150–182.

23. *Федотова М.А.* Об одной эпитафии Димитрию Ростовскому (К истории жанра эпитафии в XVIII в.) // Проблемы исторической поэтики / The Problems of Historical Poetics. — 2021. — 19 (4). — С. 190–214.

24. *Фелькерзам А.Е.* Описи серебра Двора Его Императорскаго величества. Издание Гофмаршальской Части Императорскаго Двора. Том 2. Описи золотых и серебряных вещей, хранящихся в кладовых императорских Зимнего, Аничковского и Гатчинского дворцов / обраб. бар. А.Е. Фелькерзам. — Санкт-Петербург: Гофмарш. часть Имп. двора, 1907. — 769 с.